

Советская социальная политика и повседневность, 1940 – 1980-е

Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов, Наталия Лебина

Эта статья несет функцию предисловия и введения одновременно. Мы бы хотели здесь не только обозначить методологические позиции авторского коллектива и очертить тематическую фокусировку книги, но и представить читателю краткий обзор общего контекста советской социальной политики рассматриваемого периода.

Советская повседневность и социальная политика в фокусе исторических исследований

Когда перестроечной волной сорвало все запреты и ограничения, связанные, среди прочего, с обсуждением истории страны, на людей хлынул поток яркой и разнообразной информации, вырывавшейся из традиционных рамок жанров, тематизаций и цензуры. После усыпительных десятилетий пропаганды, разбавленной небольшими порциями самиздата, человек оказался в ситуации культурного разрыва – или перерождения – нередко в конфликте со своим прошлым и с собой. То одни, то другие запретные темы становились предметом сенсаций и разоблачений [см. об этом подробнее Романов, Ярская-Смирнова, 2007]. К концу 1990-х годов, казалось, народ был пресыщен и утомлен шквалом негативной информации о недавнем и далеком прошлом, и на ее место пришли развлечения, ток-шоу и сериалы:

новый медийный культурный истеблишмент, во взаимодействии и контакте с представителями власти, «разворачивает работу» над позитивным образом советского прошлого, возвращая к жизни такие

Ярская-Смирнова, Романов, Лебина

простые, невинные и человеческие вещи, как старые песни, старые фильмы и любимых героев (сначала более или менее отбирая приемлемое для «новой» России, а потом уже и без всякого разбору, просто «наше», какое есть). Вместо понимания своего прошлого общество успокоилось его как бы невинными стилизациями [Зоркая, 2007].

Аналитические дебаты, полемика, дискуссии стали делом частным, узкоспециальным, ушли на канал «Культура» и в Интернет, в научные кружки и круги. В то же время дискуссия о советской социальной политике, об идеологиях и практиках заботы и контроля, несмотря на бесспорную важность и актуальность этого предмета, остается практически неразвернутой. Обращение к истории советской социальной политики связано с нарастающим по своим масштабам переосмыслением российского прошлого в различных отраслях знания. Научные концепции, претендующие на целостное объяснение сталинизма, эпохи Хрущева или Брежнева, нередко оставляют вне поля зрения сферу социальной политики, в том числе, в отношении детей, инвалидов, женщин, бродяг, бездомных, «лимитчиков», сельских и городских бедняков – как особую область государственных притязаний и устремлений, идей и представлений, утвердивших на многие десятилетия вперед облик «советского человека». Между тем, для многих миллионов людей типичным был опыт социализации, характеризующийся включенностью в отношения заботы и контроля или, напротив, исключенностью из них. Социальная политика воплощалась и в идеологии и деятельности социальных институтов, в событиях и практиках, специфических способах организации жизни, норм и ценностей мировосприятия, общения и отношений с окружающими [Ромашова, 2006].

Есть мнение, что должно пройти два поколения (не менее сорока лет),

чтобы эпоха стала предметом исторического интереса. Революционная эпоха актуализировалась в 1960-е гг., сталинская — в 1990-е. Все еще весьма далекие от того, чтобы стать предметом спокойного академического интереса, эти эпохи имеют по крайней мере значительный нереализованный актуальный политический план. Эпоха оттепели еще находится за пределами серьезного интереса, а последовавшая за ней брежневской эпохи просто как будто никогда не существовало [Добренко, 2006].

И хотя советская социальная политика рассматриваемого периода (1940-е – начало 1980-х) не столь часто привлекает внимание историков, уже защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций [Ващук, 1998а; Молодчик, 2004; Пелих, 2005; Хорохорина, 2005; Чайка, 2004], изданы монографии [Ващук, 1998б]. Здесь рассматриваются система социальной защиты, формы и особенности социального обеспечения, уровень жизни населения в тот или иной период в выбранном для исследования регионе. Как правило, эти работы написаны в объективистском ключе, традиционном для многих отечественных историков. Эта перспектива позволяет зафиксировать и описать исторические особенности и функции тех или иных институтов социальной заботы, госу-

Советская социальная политика и повседневность
дарственных мер социальной политики. А противоречия и взаимосвязи между так называемыми фактами – событиями, статистикой, нормативным контекстом и идеологией, с одной стороны, и повседневными практиками и биографическими ситуациями простых людей, с другой стороны, остаются наиболее интересной, но наименее раскрытой областью анализа.

Перспектива истории повседневности, микро-уровень анализа социальной реальности советского времени постепенно привлекает все больший интерес исследователей [Зубкова, 2000; Лебина, Чистяков, 2003; Лельчук, Пивовар, 1993; Советская повседневность... 2003]. От иных историков доводится слышать, что такой подход-де, является социологическим. Но герменевтическая традиция изучения биографий, устных историй, нарративов, как и изучение истории повседневности не имеет дисциплинарных границ. И хотя для обозначения методологической рамки и применяется термин «социальная история» или «культурно-антропологический подход к истории», речь идет о парадигме, а не области знания. Ведь «социальной» или «социокультурной» может быть и история техники! И среди социологов, и среди историков, и среди антропологов есть совершенно разные методологические предпочтения. Например, то, как использовать и трактовать найденные в архивах или публикациях факты и полевые данные, зависит от перспективы, в которой работает ученый. Другое дело, что именно историки вносят серьезный вклад в институционализацию нового направления или подхода, учреждая новые ежегодники, отделы в научных институтах, публикуя учебные и научные труды, переводы ключевых работ по методологии истории повседневности, микроистории [Источниковедение новейшей истории... 2004; Людтке, 1999; Пушкарева, 2008].

Кстати, методологический подход нередко определяет и основной предмет, и ракурс рассмотрения материала, и формулировку главного исследовательского вопроса. Например, сама постановка вопроса о биографическом дискурсе советской эпохи возможна только в русле феноменологического подхода к истории [Козлова, 1996, 2005]. Из науки о социально-экономических формациях, политических и экономических системах история трансформируется в науку о человеке в контексте исторического времени и пространства. Основой современного научного знания о прошлом становятся социальная история, историческая антропология, методологической базой – микроанализ, история повседневности. Описание и анализ эпохи наделяются живым, яркими контекстуальными особенностями сквозь призму мировосприятия людей «того времени», их самоидентификации, представлений о друзьях и врагах, их каждодневных практик, воплощающих действие ключевых социальных институтов. А поскольку представления о мире, ценностные ориентации людей, населяющих то или иное время, далеко не однородны, особое значение приобретают личные документы, а там, где это возможно, и не столь традиционные для историка источники – устные свидетельства очевидцев, а также символическая продукция – литература, кино, пла-

кат, газетные статьи, открытки, городской фольклор и многое другое [см. Тяжельникова; Davies, 1997].

Предметом своего интереса новый исторический подход делает практики – повседневные, рутинные, ритуализированные типы поведения. Эти практики в советском обществе образовали особую область социального опыта, формирующуюся на стыке между, с одной стороны, пространством деятельности колоссальной и разветвленной идеологической машины, направленной на унификацию индивидуальных жизненных проектов всеми доступными средствами, а с другой стороны – локальными жизненными укладами и мирами сообществ, выживающих в brutальных условиях коллективизации, репрессий, индустриализации. Повседневность и идеология, риторика и практика – эти разные по природе процессы формируют ту реальность, которая направлена на понимание, интерпретацию прошлого в большей степени, чем его нейтральное описание, критику или восхваление [см. об этом: Круглова, 2004].

Поэтому исследовательский интерес фокусируется на том, как трансформируется мировосприятие людей – крестьян, рабочих, студентов – под воздействием идеологии, адаптации к новому жизненному укладу, насколько стереотипы и ценности эпохи укоренены в привычках и навыках осмысления собственной жизни [Богданов, 2001; Захаров, 1989; Козлова, 1996; Репина, 1998; Сандомирская, 2001; Цветаева, 1999], как политика и идеология оформляют повседневную жизнь и обволакиваются ею, подвергаясь редакции, манипуляциям, осваиваются и используются обыденными деятелями [Зубкова, 2000; Келли, 2003, 2005; de Certeau, 1984; Фицпатрик, 2001; Fitzpatrick, 1999, 2005]. В работах, посвященных анализу «человеческих документов» и повседневности советской цивилизации, представлен голос рядового участника строительства нового общества [Круглова, 2004], испытывавшего на своем собственном опыте все тяготы и прелести социалистического общежития. При этом на первый план анализа выходят не только свидетельства ужаса эпохи, сколько ее многочисленные противоречия, лакуны, механизмы, при помощи которых люди достигали внутренней свободы, подстраивали под себя многочисленные правила и регуляции, добивались определенного уровня социальной интеграции и притирки разнообразных бюрократических и идеологических механизмов к повседневным нуждам – те процессы, которые А. Юрчак обозначил как драму «борьбы советского социализма с неминуемым самораспадом» [Yurchak, 2005].

Феноменологический подход к истории ставит вопрос о том, каким образом и от чьего лица определялись социальные проблемы, как и в чьих интересах трансформировались формы заботы и контроля, поддерживавшиеся сетью формальных и неформальных институтов, как они конструировались государством, общественностью, взрослыми и детьми [Лебина, 1999, 2000, 2006; Ромашева, 2006]. А ракурс социальной критики не дает проигнорировать «карательную» сторону государственной

Советская социальная политика и повседневность социальной политики и оборотную сторону процессов модернизации [см. напр. Дети ГУЛАГа, 2002; Шуткова, 2003].

Советская история в чем-то соответствует общемировым процессам модернизации [Соколов, Тяжелникова, 1999; Скотт, 2005], но характеризуется уникальными чертами советского общества и идеологии, которые во многом определяли социальную политику советского государства с ее постоянно возрастающим государственным вмешательством в частную сферу, в быт, официальным контролем и поддержкой семьи, постоянным расширением льготных категорий и повышением числа получателей пособий, тенденцией к универсализации социальных гарантий. В целях воссоздания такой контекстуальной рамки исследователями используются разные типы источников – тематические сборники документов, представляющие материалы личного и официального происхождения, статистические сборники, неопубликованная документация, хранящаяся в архивных фондах, труды партийных деятелей, ученых, педагогов, врачей, публицистическая и методическая литература, местная и центральная периодическая печать, материалы интервью, дневников, мемуаров.

Новые исследования в рамках выбранного периода позволяют проследить, с одной стороны, преемственность с довоенным периодом, с другой – перемены в социальной политике в периоды войны, позднего сталинизма, «оттепели» и «застоя». Отметим, что в обсуждении истории советской социальной политики есть и терминологическая проблема – как полагают, в советской историографии как и в других социальных науках в СССР, термин «социальная политика» не использовался до 1960-х годов. Это связано, с одной стороны, с установками советской идеологии, нашедшими выражение, в частности в работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой фактически был снят с повестки дня вопрос о социальных проблемах, поскольку «удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей» увязывалось с непрерывным «ростом и совершенствованием производства» [Сталин, 1952]. Дискуссия о социальных проблемах автоматически переводилась в плоскость «отдельных трудностей», а обсуждение эволюции, динамики их развития, как и способов их разрешение оказалось возможно лишь в контексте критики западного образа жизни, капиталистической государственной политики. Среди более употребимых понятий, близких к рассматриваемому дискурсивному полю, – «забота», «организация работы», «опыт работы» (с правонарушителями, сиротами, женщинами, инвалидами), «государственный контроль» и «народный контроль». Дискурсивное пространство между руководящими полюсами «заботы» и «контроля» было наполнено практической деятельностью партийных и советских органов, а также «общественности». Эпизодические публикации, в которых фигурирует термин «социальная политика», появляются с конца 1970-х [Гордон, Клюпов, 1979; Попков, 1979; Социальная политика коммунистических... 1979], а с 1980-го года наблюдается вспышка интереса к этой проблематике и термин используется все чаще и чаще [Азаров, Коновалюк, 1980; Савастенко, 1981; Ро-

Ярская-Смирнова, Романов, Лебина
говин, 1980; Ульмасов, 1982; Здравомыслов, 1983; Миннибаев, 1984; Антоненко, Зелинский, 1984], причем в контексте описания (нередко хвалебного свойства) текущей деятельности КПСС по повышению благосостояния, сближению города и села, развитию социалистического образа жизни.

Как самостоятельное направление исторический анализ социальной политики в России определился сравнительно недавно, и пока в нем преобладают социологи и социальные антропологи, философы [Нужда и порядок, 2005; Сидорина, 2005; Богданова, 2006], авторы, специализирующиеся в области социальной работы [Мельников, Холостова, 2005]. Однако, обращение этих специалистов к историческим реалиям порождает необходимость оперировать традиционными приемами исторического исследования, в числе которых главенствующую роль всегда отводят моделированию исторического процесса посредством его периодизации.

Повседневная жизнь в СССР: периодизация (конец 1930-х – 1980-е годы)

Периодизация советской повседневности напрямую связана со спецификой конкретно-исторического момента и политической направленностью властных инициатив. Структуры повседневной жизни зависят от уровня развития товарно-денежных отношений, господствующей формы собственности на средства производства, степени распространения политических свобод, иерархии социальных отношений. Властные структуры могут инициировать трансформацию быта. Историко-социальные катаклизмы – войны, революции и даже реформы при всем присущим им стремлении к спокойной модернизации существующих устоев – оказывают значительное влияние на стилистику повседневной жизни. Обычные люди не сразу ощущают изменения, происходящие в этой сфере: существует определенный временной разрыв между историческим событием и коренной модификацией бытовых практик населения. Построение некой модели советской повседневности 1940-1980-х годов следует начать с упоминания о переходе во второй половине 1930-х годов к политике «большой сделки» и формированию «витрины» социалистической повседневности. Это выразилось в отмене карточек, прекращении нападков на модную одежду и косметику, в возрождении классического стиля в архитектуре и мебели, в формировании имперско-тоталитарных представлений о «шикарной» жизни. Подобные тенденции были, конечно, зафиксированы лишь в быту привилегированных слоев советского общества. Ведь «большая сделка» – политика создания роскошного быта для людей, социально ценных в представлениях сталинских властных структур, разворачивалась на фоне «большого террора». Он выражался не только в создании системы ГУЛАГа, но в жестком контроле над повседневной жизнью обычных граждан. Большинство из них выбрали главной стратегией выживания уход в частную сферу. Однако базовые элементы советской повседневности и социальной политики советского

Советская социальная политика и повседневность государства в конце 1930-х годов – это отказ от экстраординарности и жесткой классовой дифференциации.

Ярко выраженная экстраординарность быта периода Великой Отечественной войны: всеобщая мобилизация, введение карточной системы, эвакуация, тем не менее не изменила общей тенденции социально-бытовой политики властных структур. Они по-прежнему стремились к формированию имперско-тоталитарного стиля в повседневности больших городов. Этому должно было способствовать изменение отношения власти к Русской Православной Церкви. В советском тылу люди, ранее скрывавшие свою религиозность, стали открыто посещать храмы и церкви. Многие властные инициативы законодательного характера были явно направлены на возрождение традиций повседневности дореволюционной России. К их числу относится введение в 1943 году раздельного обучения мальчиков и девочек в средней школе, а также ужесточение брачно-семейного законодательства.

На тоталитарно-имперских позициях строились и контуры обыденной жизни после окончания Великой Отечественной войны. Специфика структур повседневности с середины 1940-х до середины 1950-х годов отражала процесс восстановления всех сфер социально-экономической и политической жизни страны и дальнейшего укрепления режима личной власти Сталина. Быт послевоенного времени отличался показной помпезностью и наличием резких диссонансов, выразившихся в усилении социальной и материальной дифференциации советского общества. В послевоенные годы значительно выросли доходы партийной и государственной номенклатуры, художественной элиты, высшей научной интеллигенции. Явное неравенство способствовало развитию преступности, нищенства, спекуляции. Одновременно нельзя отрицать, что в обыденной жизни послевоенного времени отчетливо ощущались приподнятость и ожидание перемен. Однако тоталитарно-имперский стиль повседневности решительно стал меняться лишь после XX съезда КПСС.

Идея построения коммунистического общества, являвшаяся стержневой в хрущевских преобразованиях, подразумевала и перестройку быта как важнейшего фактора формирования нового человека. Смена парадигм повседневной жизни в эпоху «великого десятилетия» была связана с десталинизацией, демократизацией, развитием научно-технического прогресса, смягчением международных отношений. Значительное влияние на стилистику городского быта в конце 1950-60-х годов оказали западноевропейские и американские стандарты повседневности, а также растущий престиж интеллектуального труда и, прежде всего, точных наук. Эти факторы определяли многие сферы обыденности советского человека до начала 1970-х годов.

В годы «брежневского застоя» наиболее характерными чертами советского быта являются «потребительская революция» и «вещизм», обретшие уродливые формы в условиях плановой экономики, резкого расщепления общества, роста дефицита и «двойной морали». Рассмотрим по-

Ярская-Смирнова, Романов, Лебина
дробнее каждый из периодов, обращая внимание на контекст определения социальных проблем, приоритеты и механизмы их решения.

Война и поздний сталинизм, 1940-1953

К осени 1945 года людские потери, причиненные войной, составили шестую часть активного населения, а сумма прямых потерь в экономическом потенциале более чем в пять раз превышала национальный доход СССР в 1940 году. После полной перестройки народного хозяйства на военный лад было необходимо вернуться к условиям мирного времени. Повышенная мобильность населения содержательно воплощалась в обновлении рабочего класса, притоке женщин в народное хозяйство, а сразу по окончании войны – в текучести рабочей силы на предприятиях. В 1946 году были предприняты усилия по закреплению рабочих на их местах, связанные с ужесточением контроля за переходом с предприятия на предприятие. Как и до войны, прирост новой рабочей силы осуществлялся за счет выходцев из села, что вело к кризису управления на производстве ввиду низкой квалификации и трудовой дисциплины. Было вновь инициировано стахановское движение, которое, как и всякий рекорд, воспринималось с сопротивлением как со стороны инженеров, так и простых рабочих, поскольку вело к дезорганизации производства, оборачиваясь стихийным повышением норм выработки. Несмотря на некоторый рост заработной платы в течение всего периода, в условиях сильного дефицита стоимости жизни оказывалась значительно выше платежеспособного спроса. Уровень жизни 1928 года был достигнут лишь к 1954 году [Верт, 2006].

Политический и экономический контекст времен Великой Отечественной войны и послевоенного времени обусловил направленность социальной политики, фокус и масштабы которой были существенно ограничены приоритетами обороны и последующего экономического восстановления. «Высокий сталинизм» был эпохой

«штурмов» и «фронтов» – хозяйственных, бытовых, литературных... Эпоха, в которой монопольно правившая партия во всех своих уставах именovala себя боевой организацией, а своих членов – «солдатами партии». Плюс культ секретности и искусственно насаждавшийся образ врага. И даже достижения в работе стимулировались на военный манер: «труд – дело чести, дело доблести и героизма», «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»... Речь идет <...> о милитаризме, при котором мирная жизнь выстраивается по военному образцу. Или, говоря иначе, при котором милитаризация доводится до повседневности и распространяется на весь жизненный уклад [Клямкин, 2007].

Высокая потребность промышленности в рабочей силе обусловила интенсивную трудовую мобилизацию. Еще до войны, начиная с 1939 года, был принят ряд законодательных мер, определивших репрессивный характер трудовых отношений на последующие годы. Дисциплина

Советская социальная политика и повседневность на рабочем месте приобретала более жесткий характер, включая уголовную ответственность за прогулы. Небольшая отлучка с работы грозила уголовным преследованием, даже для женщины, которая бегала домой, чтобы покормить грудного младенца. Началось спешное формирование трудовых резервов – призыв молодежи в ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения. В 1940-е годы детский и подростковый труд уже не был просто средством социалистического воспитания, поскольку из-за постоянной нехватки людских ресурсов нередко принудительно использовался в промышленности и сельском хозяйстве. Дети и подростки приобщались к труду и в семье, и в школе, и в детском доме, и в колонии [Ромашева, 2006]. Полное среднее и высшее образование превращалось в преграду на пути к труду, и в 1940 году Совнарком принял знаковую экономическую меру: постановление о платном образовании:

Учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений, Совет Народных Комиссаров СССР признает необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся [Постановление СНК СССР, 1940]¹.

В задачи экономики послевоенного периода входили возрождение разрушенного в годы войны народного хозяйства, новое строительство, диктуемое планами дальнейшего развития страны. После войны восстановление жилья, как и развитие легкой и пищевой промышленности шло медленно, поскольку основное внимание уделялось реконструкции промышленности и путей сообщения.

К причинам быстрого промышленного роста в 1950 году относятся, среди прочих, бесплатный труд многомиллионного ГУЛАГа и военнопленных. Масштабы принудительного труда в СССР и значение этой системы для различных аспектов жизни трудно переоценить – только население лагерей к началу 1950-х годов составило пять млн. человек [Верг, 2006]. Целые отрасли промышленности (такие, как промышленная лесозаготовка) сложились на фундаменте гулаговской корпорации. Кроме наказания эта система, затронувшая множество категорий (начиная от «чуждых классовых элементов» до представителей политически опасных народностей) внесла вклад в развитие рынков труда – сотни тысяч военных и гражданских лиц были вовлечены в ее функционирование и воспроизводство, формирование стандартов трудовой нагрузки, подходов к мотивации, вознаграждению, эволюции подходов к охране труда, жилищной сфере, снабжению товарами народного потребления, культу-

¹ В 1943 году СНК СССР были приняты несколько постановлений об освобождении от платы за обучение по национальному признаку учащихся 8-10 классов средних школ, средних специальных и высших учебных заведений в союзных республиках, а полностью постановление утратило силу в 1954 году.

ре. Следует помнить, что насильственный труд воспроизводился за пределами ГУЛАГа в множестве разных форм – в виде труда спецпереселенцев, трудармейцев (из числа российских немцев), общественных работ трудмобилизованных, колхозников, чьи условия труда и быта, контроль над частной жизнью, мобильность немногим отличались от условий, типичных для осужденных на исправительные работы того времени.

В сфере социальной защиты расходы в этот период были существенны, расширялся объем оказываемой материальной помощи жертвам войны – инвалидам, вдовам, сиротам. После войны была восстановлена система всеобщего начального образования и введено всеобщее семилетнее образование. Постепенно повышалась зарплата рабочим и служащим, одновременно регулярно снижались цены на товары широкого потребления. Были восстановлены отпуска, восьмичасовой рабочий день, улучшено санаторное и лечебное обслуживание, отменен указ от 1941 года, предусматривавший судебную ответственность за самовольный уход с предприятия, прогулы и опоздания, но не по всем отраслям промышленности. Крестьяне продолжали жить без паспортов, для них сохранялся обязательный минимум трудодней, а невыполнение грозило лишением свободы или приусадебного участка.

Были созданы новые системы материального и символического поощрения рождаемости, направленные на решение демографической проблемы – введены пособия многодетным матерям и звание «мать-героиня». Признание особо трудных условий жизни семей одиноких матерей впервые зафиксировано в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 года о прямой материальной помощи многодетным и одиноким матерям. В результате войн и репрессий, в особенности, в результате Великой Отечественной войны стал особенно заметным рост числа материнских семей. Советское правительство отреагировало на это предоставлением специальных пособий для одиноких матерей; им также были даны некоторые преимущества на рабочем месте. И хотя женщинам было сложно доказывать отцовство и, следовательно, заставить отцов поддерживать своих детей, монородительские домохозяйства были под защитой коллективистской системы социального обеспечения, характерной для плановой экономики, благодаря которой основные товары и услуги были дешевыми, а возможности занятости – относительно широкими. Власти предоставляли, хотя и на минимальном уровне, систему социальных гарантий – бесплатное медицинское обслуживание, образование, пенсионное обеспечение, льготное санаторное и курортное лечение. Но поддержки для монородительских домохозяйств и других бедных по-прежнему было недостаточно. В системе социальных гарантий сохранялась зависимость обеспечения от рабочего места, от ресурсов предприятия, на котором человек работал – именно на предприятие, колхоз возлагалась основная ответственность за благоденствие работника и его семьи. Простые люди, выпадавшие из промышленной занятости, оказывались и за пределами благополучия как такового – например, инвалиды войны, наполнившие улицы больших городов, в массовом по-

Советская социальная политика и повседневность
рядке вывозились в удаленные районы. Из ленинградской области таких людей вывозили на север, на острова, в район Соловецкого монастыря, известного также как лагерь для политзаключенных. Условия жизни в СССР резко отличались от западных стран, которые быстро наращивали уровень жизни, обеспечивали демократические права и свободы. В народе росло недовольство, несмотря на мощный железный занавес между двумя политическими системами, что подталкивало политическое руководство страны к мерам, типичным для универсалистского типа социальной политики – в социальном обеспечении, здравоохранении и образовании.

Оттепель, 1953-1964

Широкомасштабные хрущевские реформы (1956–1964) в их риторике и, отчасти, в практике были направлены на демонтаж сталинской диктатуры и возврат к ленинскому принципу «демократического централизма» в отношении форм управления. Новая экономическая ситуация требовала расширения ассортимента продукции для потребителей, большей свободы предприятий и большей производительности труда от рабочих. Некоторые отрасли выпуска товаров народного потребления, а позднее и большинство отраслей промышленности получили поле для эксперимента. Прибыль стала одним из главных критериев эффективности выполнения плана и экономической поддержки рабочих, так как позволяла повышать оплату труда. Стремительный рост объема выпуска потребительских товаров, либерализация сельского хозяйства были результатом политики, которая ориентировалась на продвижение более сбалансированных форм экономического развития и сокращение неравенства по доходу, образованию и жизненным шансам. Было положено начало некоторой демобилизации, ослаблению контроля над экономической и социальной жизнью. Частные интересы были легитимированы, что позволило говорить о сочетании их с общественными, вместо подчинения [Клямкин, 2007].

Но наряду с этим, конец пятидесятих годов совпал с торопливой политикой в области административных и экономических реформ («кукурузная лихорадка», «мясная кампания в Рязани», «молочные рекорды») сопровождавшихся сильным напряжением всей административной системы. Непродуманные и противоречивые реформы привели, по мнению некоторых аналитиков, к экологическому и экономическому кризису 1962 – 1963 годов, очередной кампании по поиску врагов – расхитителей, спекулянтов, когда в одну мясорубку репрессий попадали и теневые дельцы, и мелкие ремесленники. Смертная казнь за экономические преступления унесла жизнь 160 человек в течении двух лет, десятки тысяч людей были репрессированы – высланы, подвергнуты позору, лишены имущества [Верт, 2006]. Постоянное расширение категории «паразитов общества» превратилось в настоящую охоту на ведьм.

Годы Оттепели – это время противоречий, когда авантюрные инициативы партийной верхушки и новые репрессии совмещались с про-

грессивными мерами по улучшению жизни советских граждан. Снизились налоги на низкодоходные группы, улучшены условия работы, а мобильность работников упрощалась с отменой законодательства подвергавшего уголовному преследованию прогулы и смену работы, не одобренную свыше. Более чем на треть повысилась минимальная зарплата в государственном секторе, на 2-10 часов (в зависимости от отрасли и максимально – для подростков) произошло сокращение рабочей недели, а продолжительность оплачиваемого отпуска – увеличена. Отпуск по беременности (сокращенный при Сталине до 70 дней) стал снова 112-дневным. С 1954 года среднее образование стало бесплатным и совместным. Традиционно для советской истории, позитивный эффект этих мер почувствовали, главным образом, городские жители, а колхозники по-прежнему оставались лишены полного гражданства – они не имели ни паспортов, ни права свободного передвижения за пределами мест постоянного проживания. Работники колхозов до 1964 года не имели государственных пенсий, а пенсионный возраст наступал для них на пять лет позже, чем для других работающих [Верт, 2006].

Тем не менее, восстановление социальной справедливости и снижение социального неравенства в этот период становятся политическими приоритетами. К 1956 году было освобождено свыше 16 тыс. реабилитированных политзаключенных, а после XX съезда партии – несколько миллионов невинно осужденных получили долгожданную свободу, когда специальные комиссии в лагерях, наделенные широкими полномочиями, производили массовые реабилитации. Законодательным порядком были оправданы целые народы – чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и калмыки все они смогли вернуться к своим родным местам, кроме немцев Поволжья и крымских татар, чьи районы проживания уже были заселены русскими и украинцами. Значительные успехи отмечаются в области прав человека, особенно после того, перестал существовать юридический термин «враг народа», повышен до 16 лет возраст наступления уголовной ответственности и введен целый ряд других норм, характерных для обществ с развитой правовой культурой.

В этот период расширяется число получателей льгот и пособий. Законодательство 1956 и 1964 годов модернизировало систему социального обеспечения и сделало ее одной из самых доступных в мире. Были увеличены размеры пособий, они теперь в меньшей степени сопрягались со статусом занятости; кроме того, были введены гарантии для низкооплачиваемых работников. Законом «О государственных пенсиях», принятым Верховным Советом СССР 14 июля 1956 года, государство обязалось выплачивать пенсии из государственного бюджета, образуемого из взносов предприятий, учреждений и организаций без каких-либо вычетов из заработной платы. С этого времени началось реформирование и пенсионной системы, которая стала освобождаться от тех дискриминирующих особенностей, характеризовавших ее со сталинской эпохи, увеличивался почти вдвое размер пенсий и сокращался пенсионный возраст (до 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин). Закон «О пенсионном обеспе-

Советская социальная политика и повседневность
чении колхозников», принятый 15 июля 1964 года, расширил схему социальной защиты и охватил крестьянство, сокращая различия между рабочими и колхозниками в сфере социального страхования. Помимо эгалитарных принципов, причины расширения охвата социальной защиты и распространения ее на колхозников были связаны с послевоенным демографическим спадом и фактической депопуляцией сельской местности.

В 1960-е годы социальная политика была приоритетом для советского правительства, и достижения в области жилищного строительства, медицинского обеспечения, социального обеспечения и образования ставили СССР на лидирующее место в мире по темпам роста и объема услуг. Ежегодно, в среднем на 6% повышалась зарплата, примерно вдвое выросли пенсии. Большого прогресса удалось достичь в жилищной политике: темпы строительства жилья в 1961–62 годах были наивысшими в Европе. Однако, колхозники долгое время оставались за бортом политики социального обеспечения; росло недовольство слабым социальным обеспечением среди демобилизованных военных, в том числе инвалидов войны.

Тенденции универсализации социальной политики были противоречивыми и в разной степени проявлялись в различных сферах жизни. Например, значительное недовольство интеллигенции вызвала политика «орабочивания» в высшем образовании: обязательная отработка двух лет на предприятии или в колхозе после окончания школы-восьмилетки, ограничения на поступление в вуз сразу после окончания средней школы, введение условия обязательного стажа работы при поступлении в отдельные категории высших учебных заведений, расширение роли рабфаков (рабочих факультетов). Эти меры, направленные на привлечение образованных кадров в промышленность и «укрепление связи школы и жизни», в конечном счете должны были способствовать преодолению распространявшегося тогда среди горожан неприязненного отношения к физическому труду и техническим профессиям [Верт, 2006]. Как показали позднейшие исследования, результаты «орабочивания» были весьма противоречивы – интеллигенция в своей массе нашла способы преодоления ограничений, население изобретало новые неформальные практики, которые свели на нет созданные барьеры и ограничения; в любом случае, институциональных мер по расширению классового состава студентов оказалось недостаточно [см.: Константиновский, 1999]. С 1959 года промышленным предприятиям и совхозам было предоставлено право в качестве поощрения за ударный труд направлять в вузы своих рабочих для получения высшего образования¹. Стало возможным получить полное среднее образование на политехнической основе – в школе и на производстве, – однако, при этом ухудшилась общеобразовательная подготовка, а подготовка на предприятиях была довольно формальной, к

¹ Постановление Совета Министров СССР от 18 сентября 1959 года № 1099 «Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов в комплектовании вузов и техникумов и в подготовке специалистов для своих предприятий».

тому же, немногие затем работали по специальности. Кроме того, предприятия столкнулись с возрастающей текучестью кадров [Верт, 2006].

Стабильность или стагнация, 1964-1985

С падением хрущевского режима в результате «дворцового переворота» 1964 года изменились политические и экономические условия социальной политики. Впрочем, основной вектор социально-политического развития, направленный на создание универсальной системой доступа к общественным благам был не только сохранен, но упрочен. На первом этапе был достигнут некоторый прогресс благодаря реформе системы производства. В условиях постепенного экономического роста промышленным рабочим был разрешен более свободный режим перемещений между работодателями; сельскохозяйственным рабочим предоставлен гарантированный стабильный минимум заработной платы, социальные пособия для колхозников были существенно повышены и теперь не отличались от пособий, предоставляемых остальному населению, эти пособия в целом выросли вслед за увеличившейся зарплатой.

Подготовительные отделения, которые пришли на смену рабфакам, были призваны скорректировать состав высшей школы в соответствии с социальной структурой общества (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1969 года «Об организации подготовительных отделений»). На подготовительные отделения принимались «рабочие, колхозники, воины, уволенные в запас из рядов Вооруженных Сил СССР, имеющие направления промышленных предприятий,строек, организаций транспорта и связи, геологоразведочных организаций, колхозов и воинских частей» [Гусев и др., 1982. С. 63]. Лица, окончившие подготовительные отделения и успешно сдавшие выпускные экзамены, зачислялись на первый курс вузов без экзаменов, однако это приводило к сравнительно большому их отсеву в процессе учебы в вузе. Но централизованная командная экономика и экстенсивный путь развития требовали новых расходов, повышали стоимость продукции, что делало производство нерентабельным и вело к нехватке человеческих ресурсов.

В первое десятилетие наблюдается подъем жизненного уровня, доходы населения растут, экономика на подъеме, чему в немалой степени способствуют высокие цены на энергоносители. Однако к середине 1980-х годов успешные результаты, которые были получены от продажи нефти во времена мирового энергетического кризиса, вскоре сходят на нет из-за неэффективного управления экономикой. В то время, как на Западе переходят к новым технологиям, приток нефтедолларов в советскую экономику прекращается. Низкая эффективность экономики, кроме прочего, подрывалась участием в гонке вооружений, расходами на содержание огромной армии, атомного арсенала, военных баз в Европе и Азии, военной и экономической поддержкой «прогрессивных» режимов в

Советская социальная политика и повседневность развивающихся странах, безнадежной войной в Афганистане – начинается стагнация во всех сферах общества. Дает о себе знать товарный дефицит, местное самоуправление практически во всех регионах вынуждено принимать меры по контролю за распределением продуктов питания в государственных магазинах – в одних городах вводятся карточки и нормы потребления на широкий ряд потребительских товаров – от спичек, табачных изделий, водки – до мыла, масла и сахара; в других – специальные удостоверения, открывающие доступ к покупке определенного набора товаров. И в том, и в другом случае политика властей отражала массовые страхи о том, что приезжие скупают самое нужное в местных магазинах...

Конституция 1977 года утверждала, что в СССР построено развитое социалистическое общество, где гарантировано всеобщее среднее образование, бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на труд, право на отдых, право на пенсионное обеспечение и жилище, демократические права и свободы. Важная особенность советской социальной политики состояла в ее прочной экономической связи с так называемыми градообразующими предприятиями крупных индустриальных центров. С конца 1980-х годов многие из этих предприятий подвергались реструктуризации и банкротству, лишив тысячи людей работы и средств к существованию. В ходе муниципализации социальных сервисов (детских дошкольных учреждений, клубов, домов отдыха, санаториев, профилакториев, поликлиник), принадлежащих ранее «градообразующим» производствам, «социальные объекты» переходили в ведение местной администрации. Экономический кризис и недостаточность ресурсов местной власти во многих случаях привели к сокращению числа социальных сервисов, их перепрофилированию, сокращению числа оказываемых услуг. Снижение роли государства и предприятий в социальной защите и предоставлении услуг означало, что расходы и ответственность за поддержание благополучия все более перекладывались на домохозяйства и сети родственной поддержки. Все это сыграло решающую роль в снижении уровня жизни большинства монородительских, многодетных семей и ряда других, в том числе ранее достаточно благополучных групп населения.

В семейном законодательстве 1965 года процедура разводов была упрощена. И хотя матери теперь разрешалось вписывать любое мужское имя в метрику новорожденного, законом не признавалось равенство незарегистрированных и зарегистрированных браков [Королев, 1978. С.28]. Для российской семьи 1960-1980-х годов уже были характерны высокий уровень разводов, внебрачная рождаемость и ухудшение условий социализации детей. В соответствии с данными переписи 1970 года, Россия и другие страны бывшего СССР (например, Эстония) были среди тех, которые демонстрировали наиболее высокие показатели по числу одиноких родителей в мире.

В целом ряде аспектов советский подход поощрял экономическое равенство и независимость женщин теми способами, которые состав-

ляют так называемую «модель слабого кормильца» [Lewis, 1992], подразумевающей, что не только глава, но все взрослые члены семьи, кто не учится на дневном отделении вузов, должны быть заняты на оплачиваемой работе. Занятость женщин (как доля когорты в трудоспособном возрасте) составляла 92 процента в 1970-80-е годы, причем уровень их образования был значительно выше, чем у мужчин, а жалование женщин отличалось почти на одну треть от жалования мужчин [Айвазова, 1998]. Высоким показателям женской занятости способствовало расширение поддерживающей инфраструктуры – в частности, заводских и ведомственных детских учреждений и поликлиник, относительно щедрого вспомоществования для декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком.

Одной из важных привилегий для одиноких матерей была статья КЗоТ, запрещающая увольнять одиноких матерей с производства до достижения ребенком 14 лет. Кроме того, существовали квоты на предприятия и в органах, ответственных за распределение жилой площади, для одиноких матерей. Хотя эти льготы не всегда соблюдались, тем не менее, профсоюзные организации на предприятиях в советское время нередко предлагали льготные путевки в пионерлагеря и санатории, учитывая их тяжелое положение. Также были бесплатные ясли и детские сады, бесплатное обучение в школе, бесплатные детские обеды. Материальные потребности семей с низким доходом начали признаваться государством с 1974 года, когда были введены целевые денежные выплаты для малообеспеченных семей. Но материальная помощь, которую получали одинокие матери, никак не способствовала улучшению их качества жизни.

Несмотря на все достижения экономической и социальной политики, уровень жизни советских людей в брежневскую эпоху был невысок, в первую очередь, ввиду низких зарплат и недостатка жилья. Демографические тренды, включая динамику браков и разводов, мобильность населения, еще более усугубляли насущность жилищной проблемы. Если в конце 1959 года только 48% населения жило в городах, то в 1970 году доля горожан составила уже 60%. По сравнению с другими секторами социальной политики: социальным обеспечением, здравоохранением и образованием – жилищная политика оказалась наименее адекватной потребностям населения, несмотря на достаточно интенсивное жилищное строительство, начавшееся с конца 1950-х. Несмотря на значительные инвестиции в жилищную сферу в течение всего советского периода, проблема обеспечения людей нормальным жильем была и продолжает оставаться весьма далекой от своего решения.

В 1970-х в результате партийной политики общий моральный климат эпохи оказался на грани полного замерзания – задавлены последние ростки публичного свободомыслия (диссиденты уходят в глубокое подполье, сосланы и высланы, посажены в исправительные и психиатрические учреждения), остановлен процесс реабилитации жертв репрессий, культ личности больше не является объектом критики [Верт, 2006]. Состояние общественной нравственности ухудшается – падает мотивация к качественному труду,

Советская социальная политика и повседневность снижается трудовая дисциплина, разочарование, растет алкоголизм, преступность, отмечается низкая вертикальная мобильность.

**«С каждым днем все радостнее жить»
Противоречия советской социальной политики
от войны до застоя**

Подводя итоги этому краткому обзору реформ социальной политики СССР в 1940-е – 1985 годы, отметим, что система социальной защиты в советское время, по сути, стала легитимным механизмом ускорения экономического развития и консолидации социализма, будучи вдохновленной идеями классиков марксизма и основателей советской политической системы. Некоторые лояльно настроенные зарубежные современники полагали, что социальная защита советского типа являлась не только неотъемлемой частью социалистического образа жизни, но и практическим выражением классовой солидарности [Rimlinger, 1971. P. 255]. В качестве идеальной модели социальная защита стала неотъемлемым правом политически лояльных трудящихся и их семей, при этом последовательно продвигались принципы распределения в зависимости от трудового вклада. В свою очередь, социальные гарантии не должны были предназначаться тем, кто способен поддерживать себя посредством заработка, но предоставлялись лишь тем, чьи доходы недостаточны ввиду особенностей занятости или заболевания, то есть «по потребностям». Однако на практике эта идеальная модель воплощалась по-разному в различные периоды истории социалистического государства.

В период своего расцвета, относящегося к хрущевскому и раннебрежневскому периоду (середина 1950-х – середина 1970-х годов), советское правительство создало одну из наиболее продвинутых в мире систем социальной поддержки в отношении равенства доступа, объема и качества услуг. В некоторые периоды, когда социальная политика была приоритетом для советского правительства (1960-е годы), достижения в области жилищного строительства, медицинского обеспечения, социального обеспечения и образования помещали СССР на лидирующее место в мире по темпам роста и объема услуг. Но уже с конца 1970-х годов, когда Советский Союз вступил в новую, наиболее жесткую фазу холодной войны, в период ухудшения мировой конъюнктуры цен на энергоносители – основной статьи экспорта, основные слабости социальной политики, ее ориентиров и институциональной структуры, стали постепенно проявляться все с большей и большей силой. Уже в этот период, задолго до перестройки, стали наблюдаться негативные тенденции в качестве жизни советских граждан.

В целом можно выделить четыре принципа социальной политики советского периода, которые были существенным образом переформулированы в результате перестройки. Во-первых, общедоступность и равенство как принцип, превалирующий в системе распределения и доступа к образованию, жилью, здравоохранению, социальной защите, на рынке труда. Во-вторых, унификация, единство и строгая иерархия в

управлении как принцип, придающий системе прозрачность, подконтрольность и всеохватность. В-третьих, стабильность, предсказуемость в исполнении некоего объема гарантий, предусмотренных принятыми законами и установлениями. В-четвертых, стремление обеспечить большой объем социальных услуг, рассчитанный на вовлечение большого количества реципиентов. Подчеркнем, что у каждого из этих принципов есть свои достоинства и недостатки, кроме того, каждый из них по-разному проявлялся в столице, крупных промышленных центрах, удаленных малых городах и сельских поселениях в силу высокой централизации и концентрации ресурсов в СССР.

Несомненно, советская система обладала развитой системой социальных сервисов в аспекте организации стационарного обслуживания пожилых и инвалидов, заботы о нуждающихся, сиротах и учащихся. Эта система основывалась на принципе унификации (выравнивания), позволявшем распределять каждому гражданину согласно его потребностям, – понятие, на котором, кстати, базировалась этика социального обеспечения во многих странах мира [Nobuaki, 1987. Р. 133]. Однако так называемое универсальное медицинское обслуживание и равноправное социальное обеспечение на практике означало общий стандартно невысокий уровень обслуживания и несправедливое перераспределение ресурсов в отдельные элитные центры – для жителей столиц или партийной номенклатуры. Социальная стратификация в Советском Союзе носила особый и зачастую скрытый характер, она отличалась по своей природе от капиталистического общества. Монетарные отношения вытеснялись идеологическими, а все попытки расширить личную экономическую свободу расценивались как политически нежелательное, близкое к криминальному поведение [Шохин, 1987; Осипенко, 1986].

Необходимо сказать несколько слов о такой функциональной составляющей социальной политики, как деятельность специалистов, предоставляющих различные виды услуг, отвечающих за реализацию соответствующих гарантий и оказывающих профессиональную помощь. Одной из отличительных особенностей социального обслуживания нуждающихся в Советском Союзе являлось развитие программ в виде персональных социальных услуг [Wiktorov, 1992]. Речь, например, идет о системе льгот и скидок на детские сады и ясли для детей матерей-одиночек и из малоимущих семей, льготах для пожилых на путевки в санатории, обеспечение одеждой и питанием детей-инвалидов, проживающих в интернатах, пожилых в домах престарелых, профессионально-техническом образовании для инвалидов. Однако среди этих индивидуальных услуг в силу определенных идеологических установок и культурных традиций отсутствовал аналог западной модели социальной работы. Системы образования и здравоохранения в Советском Союзе были обеспечены кадрами, имеющими профессиональное образование, а вот социальных работников и соответствующего образования не было.

Характер и механизмы социального обслуживания при социализме и после него становятся понятными в контексте противоречий между пред-

Советская социальная политика и повседневность ставлением об ответственности государства, с одной стороны, и личной или семейной ответственности, с другой стороны, за такие проблемы, как занятость и безработица, хронические заболевания и инвалидность, алкоголизм, семейные конфликты и домашнее насилие, правонарушения, потребность в пособии и персональном уходе. Конфигурация приватного и публичного на протяжении советской истории находилась в состоянии постоянного переопределения и амбивалентности. Сама потребность в социальной работе при социализме не могла быть артикулирована, поскольку достижение экономического равенства, как считалось, должно было автоматически разрешить все социальные проблемы, порожденные системой рыночных отношений. Поэтому в социалистической России социальные, социально-психологические или медико-социальные услуги существовали фрагментарно и скорее относились к категории других видов деятельности, например, семейные проблемы разбирались в суде или на партсобрании. В свою очередь, многие социальные проблемы не признавались, а иные, например, диссидентство, инвалидность, проституция, алкоголизм определялись как сугубо медицинские или криминализировались. Признание таких проблем не как индивидуального диагноза, а порождением системы означало бы покушение на саму основу доминирующей идеологии. Кроме того, нужно помнить и о том, что социальное развитие практически всегда, в течение всей истории СССР, несмотря на всю публичную риторику, не являлось основной целью для руководства КПСС, уступая достижению первенства на глобальной сцене и военному могуществу.

Сцены и действующие лица советской социальной политики, 1940-е – 1980-е годы

Публикация этой книги продолжает исследовательское направление деятельности Центра социальной политики и гендерных исследований в области истории и идеологии социальной политики [Нужда и порядок, 2005; Советская социальная политика, 2007; Журнал исследований социальной политики, 2007]. В 2006-2007 году исследования проводились при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров в рамках проекта «Социальная политика в контексте трансформаций российского общества: идеологии и реалии социальных реформ», включившего в себя, кроме издания книг, серию кейс-стади, научных семинаров в Саратове, Самаре, Казани, летних школ в Саратове. В эту книгу вошли статьи, представленные их авторами и обсуждавшиеся всеми участниками на этих мероприятиях, работы специалистов в области истории повседневности и социальной политики, а также переводы публикаций зарубежных исследователей. Мы хотели бы выразить благодарность региональным координаторам Оксане Запорожец, Ирине Кузнецовой-Моренко, Екатерине Чуевой и Ольге Бендиной за вклад в реализацию этого проекта.

Авторы книги осуществляют анализ различных направлений советской социальной политики, ситуации новых социальных групп, появившихся в результате войны и репрессий. Статья Георгия Гончарова дает представление о технической рациональности использования в совет-

ской экономике дешевой подневольной рабочей силы трудмобилизованных, забота о которых была сведена к минимуму, а контроль приобретал экстремальные формы. Оправдание системы основывалось на догматической идентификации социальных проблем как присущих «чуждым элементам», и одновременно – на риторике борьбы и жертвоприношений «ради светлого будущего».

Две работы о детях, переживших войну и разлуку с близкими, голод, переезды и лишения, показывают разные грани изнанки витринной концепции «счастливого детства». Евгений Кринко, Татьяна Хлынина и Илона Юрчук представляют разностороннюю картину лишений и приемов выживания, манипуляций и приспособления, к которым прибегали дети и руководители детдомов в условиях оккупации. Анализируя воспоминания и архивные документы Интердома, в их числе фотографии, Мария Светланова определяет общие контуры важных составляющих социализации, в ходе которой воспитанник должен был превратиться в преданного партии нового советского человека.

Статьи Ирины Карпенко и Екатерины Чуевой с разных сторон подходят к главному организующему принципу коммунального образа жизни – принципу справедливости, идее, которая служила поддержанию социального порядка и социального контроля в сложившихся жизненных отношениях [Круглова, 2004]. Социальные классификации «наш/не наш» еще с 1920-х годов касались политических режимов, практик, социальных групп и индивидов, а в ситуации жесткого отбора достойных помощи, поддержки, жилплощади, работы в послевоенном Ленинграде вновь становились основанием для текучей, меняющейся самоидентификации. Ситуация в учреждениях нередко отличалась слабым финансированием и низкой мотивацией персонала. Жалобы при этом становились не только каналом восстановления справедливости, но и средством конструирования собственной идентичности как гражданина, а не изгоя.

Развитие системы льгот и гарантий расширяло охват социальных групп, и касалось социального обеспечения, образования, транспорта, жилья, здравоохранения, отдыха, однако, большие социальные обещания не подтверждались достаточным их обеспечением. Энн Лившиц приходит к выводу о том, что школьная система при Сталине использовалась для установления и закрепления определенного образа нового советского общественного строя, характеризующегося упрочением социальных барьеров, шла ли речь о качестве жизни, доступности образования или о других возможностях социальной мобильности. Потребители социальных услуг классифицировались на достойных и недостойных, многочисленные виды трансфертов предполагали мизерные выплаты и разнообразные немонетарные льготы. Глубоким было и географическое неравенство.

Ресурсы социальной политики концентрировались в крупных городах и столицах, при этом приоритетной была поддержка рабочего класса и горожан. Право и обязанность трудиться обуславливали доступ ко многим социальным услугам непосредственно с места работы, однако, расширялся и сегмент универсального режима социального обеспечения, с

Советская социальная политика и повседневность

характерным расположением сервисов по месту жительства, доступных для всех жителей района. То, как реформировалась система советского здравоохранения в период позднего сталинизма, выступает предметом интереса Криса Бартон. Тенденция формирования государства всеобщего благоденствия нашла свое проявление в послевоенной реформе советского здравоохранения, переходе от производственного к территориальному принципу медицинской помощи населению, доступности медицины не только рабочему классу, но и гражданским лицам, не связанным с производством. Расширение инфраструктуры советских здравниц и курортов приводило в условиях роста свободного времени, как показывает в своей статье Ольга Лысикова, к созданию специфической культуры курортного отдыха и туризма. Выступая настоящей выставкой достижений социализма, демонстрацией заботы государства о трудящихся, детях и больных, на деле санатории подчас оказывались недоступными для простых людей, а условия в них – неприемлемыми ни для жизни отдыхающих, ни для работы персонала.

Акцент на коллективности и коммунальности является отличительной характеристикой советской социальной политики. На первом месте – забота о своей стране, о Родине, – а дружба и любовь помогут пройти через все испытания, достичь высокой цели и тем самым прославиться. Программа такой моральной карьеры нового поколения звучит в «Песне о тревожной молодости» 1958 года (муз. А. Пахмутовой, слова Л. Ошанина):

Забота у нас такая,
Забота наша простая:
Жила бы страна родная
И нету других забот!..

Общественно-полезный труд и общественная работа стали пролегоменами социальной работы. Инфраструктура учреждений социального обеспечения, образования, здравоохранения дополнялась общественными организациями предприятий, школ и другими объединениями граждан, осуществлявших заботу и контроль. Елена Жидкова показывает, как семья превращается в объект контроля и канал политического воздействия на индивида. Через сферу частной жизни социальный контроль пропитывал текстуру советского общества. Мобилизация общественности на работу с семьей и детьми, контроль социальных отклонений и ресоциализация делинквентов были связаны с деятельностью организаций (комсомол, пионерия, женсовет, партия, профсоюз, дворцовые комитеты), в том числе, выполнявшей функцию выражения лояльности режиму. Эта работа была неотъемлемо связана со стараниями властей по конструированию аномалий и девиаций, усилившимися в 1950-е – 1960-е годы, и, как показывает Наталия Лебина, – с неудачной попыткой возложить часть ответственности на плечи общественности. Развернувшаяся охота на стилига, фарцовщиков и прочих «паразитов общества» развенчала иллюзию либерализации хрущевской внутренней политики. Шейла Фицпатрик приходит к выводу, что пытаясь расправиться с

«пережитками прошлого» в лице частных предпринимателей, советские власти тем самым ярко демонстрировали, что СССР идет к капитализму – с «паразитами» во главе. Советская сатира может рассматриваться как источник представлений о «своем/чужом». Исследование Марии Антоновой дает понять, что социально-ориентированные сатирические вербальные тексты и карикатуры не только гротескно передают реальность, – они участвуют в воспроизводстве социальных мифов о мужчине и женщине.

Еда и напитки подвергаются особой регламентации, ведь это элементы общества потребления, отвергаемого моральным кодексом строителя коммунизма. С другой стороны, это необходимые для строителя коммунизма источники энергии, а также детали выставки достижений социализма. Регулируя повседневную жизнь, в том числе, практики питания, в соответствии с представлениями о потребностях советского человека – работника умственного или физического труда, женщины или мужчины, ребенка или взрослого – многочисленные дисциплинарные механизмы, как показывается в статье Оксаны Запорожец и Яны Крупец, «цивилизывали» советского человека, знакомили его с гигиеническими стандартами, правилами поведения, формировали каноны вкуса. В фокусе статьи Галины Карповой – социальный контроль потребления спиртных напитков, тесно связанный практически со всеми основными интересами социальной политики: здравоохранением, демографией, занятостью, образованием, молодежной и семейной политикой, а также с культурой, не говоря уже о непосредственном влиянии на экономику страны. Феномен «женщины за рулем» как символ свободы передвижения обсуждается в статье Ростислава Кононенко в контексте мобилизации рабочей силы и одновременно мифологизации гендерного равенства. Автомобиль, бывший неотъемлемой частью дефицитной экономики, становится элементом символической системы советской гендерной политики.

Разговор о социальной политике 1940-80-х годов не заканчивается изданием этой книги, создание которой является продуктом широкого творческого сетевого взаимодействия. Авторы, представляющих различные дисциплинарные области, объединяет интерес к советскому прошлому, поиску новых подходов и интерпретативных инструментов для его изучения. Такой разговор, представляющий самые разные перспективы и тематические приоритеты, только начал, и мы предвидим продолжение дискуссии, приглашая к ней новых авторов и читателей.

Список источников

Азаров Н. И., Коновалюк О. И. Роль социальной политики в формировании и развитии социалистического образа жизни. М.: Знание, 1980.

Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. С. 82-83.

Антоненко В. Г., Зелинский Н. Е. Социальная политика партии как фактор воспитания нового человека. Киев: Общество «Знание» УССР, 1984.

Советская социальная политика и повседневность

Богданов К. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство – СПб», 2001.

Богданова Е. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1. С. 77 – 90.

Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке, 1945 г. – конец 80-х годов: Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 Владивосток, 1998а.

Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.) / Отв. ред. А.П. Деревянко. Владивосток: Дальнаука, 1998б. – 212 с.

Верт Н. История Советского государства / Пер.с фр. М.: Весь мир, 2006.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Улучшение быта трудящихся – огромная область социальной политики КПСС и советского государства // Во имя человека труда: социальная политика в Советском Союзе и Польской Народной Республике. М.: Профиздат, 1979.

Гусев И. Т., Калашников Н. П., Качанов А. В., Колобашкин В. М. и др. Профессиональная ориентация молодежи и организация приема в высшие учебные заведения. М.: Высшая школа, 1982.

Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Под ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. – М.: МФД, 2002.

Добренко Е. Советское прошлое: манифест нового ревизионизма (Рец. на кн.: Taking the revolution inside. Bloomington, 2006) // Новое литературное обозрение. 2007. № 85 // magazines.russ.ru/nlo/2007/85/do33.html

Добренко Е. Рецензия на кн. Yurchak Alexei. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton, 2005 // Новое литературное обозрение. 2006. № 82 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/kn39.html>

Журнал исследований социальной политики, 2007. Т.5. №4.

Захаров А. В. Массовые праздники в системе тоталитаризма // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Философское общество СССР, 1989.

Здравомыслов А. Г. Актуальные проблемы социальной политики КПСС. М.: Знание, 1983.

Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому» или какие уроки могли усвоить и усвоили молодые // Вестник общественного мнения. 2007. № 3 // Доступно по адресу: <http://www.levada.ru/zhurnal.html>

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М.: РОССПЭН, Ин-т рос. истории РАН, 2000. 230 с.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебное пособие / Под. общ. ред. А.К.Соколова. М.: Высшая школа, 2004. – 686с.

Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России)// Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 385- 410.

Келли К. «Школьный вальс»// Антропологический форум. 2005. № 1. С. 104-155.

Клямкин И. М. Под гипнозом величия. Новая модернизация России невозможна без модернизации исторического сознания // Независимая газета. 26 сентября 2007// Доступно по адресу: http://www.ng.ru/ideas/2007-09-26/10_hypnosis.html

Козлова Н. Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Издательство Европа, 2005.

Ярская-Смирнова, Романов, Лебина

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996.

Константиновский Д. Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентация и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1996.

Королев Ю.А. Брак и развод: Современные тенденции. М.: Просвещение, 1978.

Круглова Т. А. Культурно-антропологический подход к анализу советского искусства // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 75-86.

Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920–30 годы. СПб.: Нева, 1999.

Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевских реформ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

Лебина Н. Б. О пользе игры в бисер. Микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / Под ред. Т. Вихавайнен. СПб.: Нева; Летний сад, 2000. С. 9–26.

Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и «холодная война»: (К постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 63-78.

Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1989-1999. М., 1999. С.77-100.

Медик Х. Микроистория // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Т.II. №4. С. 193–202.

Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. М.: Дашков и К, 2005.

Миннибаев Е. К. Социальная политика и рост рабочего класса СССР в 1951-1965 гг. : Учеб. пособие к спецкурсу. Уфа: Башк. ГПИ, 1984.

Молодчик А. В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929-1953 гг. : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 М., 2004.

Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005.

Осипенко О. Нетрудовые доходы и формы их проявления // Экономические науки. 1986. № 11. С. 63–70.

Павлов Р.В. Опыт социального обеспечения условий труда рабочих и колхозников в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. социал. ун-т. – М., 2000. – 32 с.: табл. – Библиогр.: с.32.

Пелих И. В. Социальная политика в СССР в 1945-1953 гг. : На материалах Краснодарского края: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 М., 2005.

Попков В. Д. Социальная политика Советского государства и право. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979.

Советская социальная политика и повседневность

Постановление СНК СССР «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» от 02.10.1940. № 1860 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1940. № 27. Ст. 637.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1969 года «Об организации подготовительных отделений».

Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007 / Под ред. И. Ю. Новиченко, А. К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9-54.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998.

Роговин В.З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе: Направления, тенденции, проблемы. М.: Наука, 1980.

Романов П., Елена Ярская-Смирнова Е. Социальное как иррациональное? (Диагнозы 1990 года) // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 205-226.

Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области). Автореф... канд.ист.н. Специальность 07.00.02. - Отечественная история. Пермь, 2006.

Савастенко А.А. Социальная политика КПСС и формирование нового человека. Минск: Общество «Знание» БССР, 1981.

Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 50, Вена 2001.

Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 442 с.

Скотт Дж. Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.

Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Курс советской истории, 1941-1991. М.: Высшая школа, 1999. – 415 с.

Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003.

Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под редакцией П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: «Вариант», ЦСПГИ, 2007

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М: Госполитиздат, 1952.

Тяжельникова В.С. «Картина мира» советского человека и ее эволюция. Содержание спецкурса // <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=565>

Ульмасов А. Историческая программа повышения благосостояния советского народа / А. Ульмасов Ташкент: Узбекистан, 1982.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.

Хорохорина Г. А. Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941-1945 гг.: На материалах РСФСР: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 М., 2005.

Цветаева Н. Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 118-132.

Чайка Е. А. Социальная политика советского государства на селе с 1945 по 1965 гг. (На материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области): Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 Армавир, 2004.

Ярская-Смирнова, Романов, Лебина

Шохин А. Борьба с нетрудовыми доходами: социально-экономический аспект // Плановое хозяйство. 1987. № 2. С. 83-89.

Шуткова Е. Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних: 1917 - 1953 гг.: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 Ижевск, 2003.

de Certeau M. The Practice of Everyday Life. Transl. by St. Rendall. Berkeley: University of California Press, 1984 [1974].

Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934 – 1941. Cambridge, Cambridge University press, 1997.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. Oxford, Oxford University Press, 1999.

Fitzpatrick S. Tear off the masks!: identity and imposture in twentieth-century Russia. Princeton: Princeton University Press, 2005.

George V., Manning N. Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Lewis J. Gender and the development of welfare regimes // Journal of European Social Policy. Vol2. №3, 1992.

Nobuaki S. The changes in the Russian and Soviet social security // Annales of the institute of social science. № 27. Tokyo: University of Tokyo, 1987.

Rimlinger G. V. Welfare policy and industrialization in Europe, America and Russia. New York: Wiley, 1971.

Wiktorov A. Soviet Union // Social Welfare in Socialist Countries / Ed. by J. Dixon, D. Macarov. London; New York: Routledge, 1992. P. 184–207.

Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2005.